

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

№ 167 (5878)

Суббота, 15 июля 1944 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Пророческие портреты

Фашизм в его настоящем современном виде — это порождение последних десятилетий. Но Чехов еще в начале нашего столетия сумел разглядеть черты немецкого мещанства, которые впоследствии вошли составной частью в идеологию фашистского зверинца.

Чеховские образы немцев немногочисленны, но предельно выразительны. Чем бы ни занимались в рассказах Чехова немцы, их объединяет одна черта: отношение к России и к русским как к источнику возможного обогащения.

Начиная с Артура Имбса, «состоящего из наденного ученой физиономии, собственного достоинства и туго накрахмаленных воротничков»... «свещеломудренно мечтающего о русских рублях», из рассказа «Русский уголь» и кончая девицей легкого поведения Луизой из «Салона де Варьете», которая «поехала из милого фатерланда в русские холмистые степи заработать приличное», все они знают единственное мерило для своего отношения к русским — собственную пользу и обогащение.

«Все русские люди — нехорошие люди», — говорит персонаж рассказа «Признательный немец», «я не люблю русских», — признается он, но это не мешает ему делать карьеру именно в России. По Германии он, нищий, водил обезьяну и жалобно пел, а обезьяна плясала, но русский сжалился над ним и дал ему талер, и вот он уже торгует сосисками, а затем приезжает в Россию, где «преподавал русским детям древние языки, тригонометрию и теорию музыки», а в свободное время искал места директора железной дороги.

«Признательный» немец привез в Россию свою ненависть, пренебрежение к русским и свою шарлатанскую премудрость. Поистине, пожалей немца — наплачешься!

Так же чужд русскому человеку и равнодушен к русскому рублю директор фабрики Бруни из рассказа «Учитель».

Чехову приходилось бывать в Германии, и он хорошо знал нравы немецких бюргеров. Он писал, что в немецкой жизни «не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни капли вкуса» (письмо к М. П. Чеховой). В рассказе «Патриот своего отечества» Чехов описывает маленький немецкий городок, знаменитый целебными водами и хорошим пивом, где «больше отелей, чем домов», где в саду оркестр наигрывает «мелодию меланхолическую, самую разнемецкую, плакучую, тягучую... Слушаешь ее — и сладко нить хочется...» И когда читаешь о немецких старцах и буршах, говорящих «трескучие речи», «взвизгивая и махая руками», становится понятна та ярость, которую должны были питать к своему беспощадному портретисту колбасники из Баденвейлера — городка, где умер Антон Павлович. В 1914 году, в начале прошлой мировой войны, они отомстили Чехову с обычной варварской тупостью, разбив поставленный ему памятник и перелив его на пушку.

Бессильная злоба! Пушкой нельзя бороться против художника, который с неумолимой ясностью увидел и показал в обывателе, а в немецком мещанине с особой настойчивостью, его звериное обличье.

Прообразом современного фашиста с его расовой теорией, холодной жесткостью, цинизмом, с его скотской еянгеникой и высокомерным презрением к якобы неполноценным людям является фигура фон-Корена из рассказа «Дуэль».

Противопоставленный ему в рассказе доктор Самойленко, душевный и добрый старик, полный веры в человека, говорит фон-Корену:

«Бывают, знаешь, зверьки, не больше крысы, на вид красивенькие, но в высочайшей степени, скажу я тебе, подлые и безнравственные. Идет такой зверек, положим, по лесу, увидел птичку, поймал и сел. Идет дальше и видит в траве гнездышко с яйцами; жрать ему уже не хочется, сит, но все-таки раскусывает яйцо, а другие вышвыривает из гнезда лапкой. Потом встречает лягушку и давай с нею играть. Замучил лягушку, идет и облизывается, а навстречу ему жук. Он жука лапкой... И все он портит и разрушает на своем пути... Залезает и в чужие норы, разрывает зря муравейники, раскусывает улиток... Встретится крыса — он с нею в драку; увидит змеюку или мышонка — задушить надо. И так целый день. Ну скажи, для чего такой зверь нужен? Зачем он создан?»

«Твой зверь сокрушает только слабых, — отвечает ему фон-Корен, — неуксусных, неосторожных. Одним словом, имеющих недостатки, которые природа не находит нужным передавать в потомство. Остаются в живых только более ловкие, осторожные, сильные и развитые. Таким образом, твой

зверек, сам того не подозревая, служит великим целям усовершенствования».

Так оправдывает фон-Корен бессмысленную жестокость в животном мире. Но ведь он ставит знак равенства между законами животного мира и законами человеческого общества: «Я зоолог или социолог, что одно и то же», — говорит он. В качестве «последнего слова» цивилизации он предлагает «заботиться об уничтожении хилых и негодных, к которым он причисляет Лаевского. И на вопрос Самойленко (вопрос, заданный робко и смущенно, с боязнью оскорбить им фон-Корена): «Скажи мне, если бы того... положим, государство или общество поручило тебе уничтожить его (Лаевского), ты бы... решился?» — Фон-Корен кратко отвечает: «...рука бы не дрогнула».

И так как он считает Лаевского несправедливым, он настаивает на том, что его нужно «обезвредить»: «Так как он несправедлив, то обезвредить его можно только одним способом...»

Фон-Корен провел пальцем около своей шеи.

«Или утопить, что ли...» — добавил он.

Современные «авторы» душегубок и массовой стерилизации, несомненно, дали бы фон-Корену чин гауляйтера или зондерфюрера.

Фон-Корен с высоты своей деловитости требует истребления Лаевского, который, по его мнению, безнадежен и несправедлив. Однако Лаевский, недостатки которого отлично видит и несколько не старается приукрасить Чехов, оказывается способным на внутреннее перерождение, на широкое и щедрое движение сердца, и главное — оказывается способным преодолеть свою привычку к праздности и заняться полезным трудом. В нем побеждает истинно человеческое начало. В «борьбе за душу» Лаевского побеждает Самойленко с его верой в человека, а не фон-Корен со своими ницшеанскими теориями.

Кстати сказать, в уста «неполноценного» Лаевского Чехов вкладывает поистине блестящую, образную характеристику фон-Корена.

«Я отлично понимаю фон-Корена. Это натура твердая, сильная, деспотическая. Ты слышал, он постоянно говорит об экзекции, и это не пустые слова. Ему нужна пустыня, лунная ночь: кругом в палатках и под открытым небом спят его голодные и больные, измученные тяжелыми переходами, казаки, проводники, носильщики, доктор, священник, и не спит только один он и, как Стэнли, сидит на складном стуле и чувствует себя царем пустыни и хозяином этих людей».

Лаевский сожалеет о том, что фон-Корен не выбрал военной карьеры: «он умел бы топтать в реке свою копынку и делать из трупов мосты...»

«Он прежде всего деспот, а потом уж зоолог», — говорит Лаевский. «Для фон-Корена же люди — щенки и ничтожество, слишком мелкие для того, чтобы быть целью его жизни... Он хлопочет об улучшении человеческого породы; в этом отношении мы для него только рабы, мясо для пушек, выюнные животные; одних бы он уничтожил или закопал на каторгу, других скрутил бы дисциплиной, заставил бы, как Аракчеев, вставать и ложиться по барабану, поставил бы евнухов, чтобы стеречь наше целомудрие и нравственность, велел бы стрелять во всякого, кто выходит за круг нашей узкой консервативной морали, и все это во имя улучшения человеческого породы».

Однако Лаевский отлично чувствует, что программа фон-Корена в разладе с человеческими законами: «деспоты всегда были иллюзионистами».

Нужно признать, что столь презираемый фон-Кореном Лаевский гораздо лучше понимает его, чем он Лаевского. Мы знаем теперь, как характерна для немцев эта черта — недооценка тех, кого они собираются «истреблять, обезвреживать, ставить на колени».

Армия двуногих, воспитанных своим бесноватым предводителем по всем правилам бесчеловечности, воплощает в себе в сгущенном виде все, что карал словом великий Чехов. Такие фигуры, как Артур Имбс, Бруни, фон-Корен помогают нам сегодня узнавать врага в лицо.

Сегодняшние наследники фон-Корена огрызаясь, пытаются по направлению к своему «фатерланду». Спор человеческого и звериного решается на русских полях в пользу талантливого, несокрушимого, щедрого сердцем народа нашего, народа, столь любимого Чеховым.

Е. ЗЛОВА.